

Ситуативные действия и словари мотивов*¹

Чарльз Райт Миллс

Аннотация. В своей классической статье Чарльз Райт Миллс предлагает оригинальный взгляд на мотивы с точки зрения социологии знания. Противопоставляя подход социологии знания субъективистскому пониманию мотивов как внешних выражений внутренних элементов, Миллс делает предметом анализа связь конкретных типов действий с типовыми структурами нормативных действий и с социально-ситуативными кластерами мотивов. Мотивы — это то, что вменяется и озвучивается действующими, поэтому необходимо рассматривать, каким образом, во-первых, те или иные мотивы приписываются действующими самим себе и другим людям в определенных социальных и исторических ситуациях, и во-вторых, как различные словари мотивов конфликтуют друг с другом и сменяют друг друга с течением времени. В этом случае мотивы являются не выражениями внутренних побуждений, а оправданиями поведения.

Ключевые слова. Миллс, мотив, социальная ситуация, социальное действие, социология знания.

Главное направление переориентации в нынешней социологии языка (как в теории, так и в наблюдении) связано с опровержением вундтовской идеи о том, что функцией языка является «выражение» уже имеющихся внутри индивида элементов. В основе современных исследований языка лежит простой постулат: мы должны подходить к изучению языкового поведения, не соотнося его с внутренними состояниями индивидов, а проясняя его социальную функцию, состоящую в координации различных действий. Язык не выражает нечто уже существующее в человеке, а воспринимается другими людьми в качестве индикатора будущих действий².

Такой подход может помочь и в решении проблем мотивации. Цель настоящей статьи — наметить в общих чертах аналитическую модель объяснения мотивов, опирающуюся на социологическую теорию языка и социологическую психологию³.

В противоположность логико-дедуктивной концепции мотивов как субъективных «источников» деятельности, мотивы можно рассматривать в качестве типичных словарей, исполняющих закрепленные за ними функции в четко обозначенных социальных ситуациях. Люди озвучивают и вменяют мотивы себе и другим. Объяснять поведение путем соотнесения его с логически выведенным и абстрактным «мотивом» — одно дело, анализировать наблюдаемые языковые механизмы вменения и озвучивания мотивов, функционирующие в поведении, — совсем другое. Мотивы —

* Перевод с англ. А. М. Корбута под ред. С. П. Баньковской. Источник: Mills C. W. (1940). Situated actions and vocabularies of motive. *American Sociological Review*, 5(6), 904–913

© Корбут А. М., 2011

© Баньковская С. П., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. Переработанный вариант доклада, прочитанного в Обществе социальных исследований в Чикагском университете 16–17 августа 1940 г.

2. См.: Mills, 1940.

3. См.: Mead, 1909; Mannheim, 1940; Wiese, 1932; Dewey, 1917: 276.

не фиксированные элементы «внутри» индивида, а понятия, посредством которых *социально действующие индивиды* интерпретируют поведение. Вменение и озвучивание мотивов действующими индивидами — социальные феномены, требующие объяснения. Различные обоснования, которые люди дают своим действиям, сами некоторым образом обоснованы.

Прежде всего мы должны выделить общие условия, при которых происходит вменение и озвучивание мотивов⁴. Далее мы должны охарактеризовать мотивы с помощью легко различимых терминов и предложить парадигму, объясняющую, почему вербализируются именно эти, а не другие мотивы. Затем мы должны обозначить механизмы связи словарей мотивов с системами действий. Мы хотим проанализировать интегрирующую, регулирующую и специфицирующую функцию, исполняемую тем или иным видом речи в социально-ситуативных действиях.

Типичная ситуация, в которой происходит вменение и озвучивание мотивов, подразумевает, во-первых, *социальное* поведение, или (заданные) программы деятельности живых существ, наделенных даром речи, т. е. программы и действия, ориентированные на поступки и слова других; во-вторых, озвучиванию и вменению мотивов сопутствует речевая форма, известная как «вопрос». Ситуации, стоящие за вопросами, обычно предполагают *альтернативные* или *непредвиденные* программы или действия, фазы которых аналитически обозначаются как «кризисы»⁵. Вопрос отличается тем, что в большинстве случаев он вызывает новое *вербальное* действие, а не моторную реакцию. Вопрос — элемент *разговора*. Разговор может касаться наблюдаемых или предполагаемых фактических особенностей ситуации, либо он может соединять и развивать различные социальные действия в зависимости от ситуации и ее нормативного образца ожиданий. Именно на этой последней фазе разговора, когда достигается одобрение и несогласие, появляются убеждающие и разубеждающие речь и словарь. Поскольку люди погружены в непосредственные акты переживания, их внимание направлено вовне до тех пор, пока эти акты не оказываются так или иначе затруднены. Именно тогда появляется осознание себя и мотива. «Вопрос» — языковой указатель подобных условий. Озвучивание и вменение мотивов является особенностью разговоров, возникающих в «вопросных» ситуациях.

Мотивы вменяются или озвучиваются в ответ на вопросы, прерывающие акты или программы. Мотивы — это слова. К чему они отсылают? Они не указывают на какие-либо элементы «внутри» индивидов. Они указывают на предвосхищаемые ситуативные последствия поведения, оказавшегося под вопросом. Намерение или цель (заданная в качестве «программы») *есть* осознание предвосхищаемых последствий; мотивы — это названия последующих ситуаций и суррогаты ведущих к ним действий. За вопросами стоят возможные альтернативные действия с их конечными

4. Важность этой исходной задачи для исследования очевидна. В большинстве исследований, осуществляемых на вербальном уровне, индивидам просто задают абстрактные вопросы, но если бы мы могли предварительно четко обозначить ситуации, в которых *могут* вербализироваться те или иные мотивы, мы могли бы использовать это обозначение для конструирования *ситуативных* вопросов и проверки выводов из нашей теории.

5. По поводу «вопроса» и «разговора» см.: De Laguna, 1927: 37 и указатель. Насчет мотивов в кризисных ситуациях см.: Williams, 1920: 435 ff.

последствиями. «Интроспективные слова, используемые нами для обозначения мотивов, — это грубые, урезанные описания ряда типичных образцов разрозненных и конфликтующих между собой стимулов» (Burke, 1935: 45⁶).

Можно кратко остановиться на модели целенаправленного поведения, связанной с именем Дьюи. Индивиды, стоящие перед выбором «альтернативных актов», осуществляют тот или иной из них, исходя из ожидаемых последствий. Такая откровенно утилитарная схема неадекватна, поскольку: а) «альтернативные акты» *социального* поведения чаще всего «появляются» в языковой форме, в виде вопроса, заданного самим действующим или кем-то другим; б) правильнее было бы говорить, что индивиды действуют в соответствии с предвосхищением *названных* последствий.

К числу подобных названий в некоторых технологически ориентированных направлениях действия могут относиться такие понятия, как «полезный», «практичный», «удобный» и т. д., — понятия, которые у прагматистов, а также в некоторых слоях американского общества считаются «предельными» для этих особых ситуаций. Однако существуют иные слои населения с другими словарями мотивов. Выбор направления действия сопровождается репрезентациями (подвергающимися отбору) своих ситуационных целей. Люди различают ситуации при помощи специфических словарей, и именно исходя из того или иного словаря они предвосхищают последствия поведения⁷. Устойчивые словари мотивов связывают ожидаемые последствия со специфическими действиями. Основывать объяснение на таких психологических понятиях, как «желание» или «влечение», нет нужды, поскольку они сами должны быть социально объяснены⁸. Предвосхищение — это беззвучное либо открытое присвоение названия конечным фазам и/или социальным последствиям поведения. Когда индивид дает название последствиям, он проясняет действия, которые можно восстановить по этому названию. В любой *общественной* ситуации социальное измерение мотивов имплицитно заложено в названия, обозначающие последствия. С помощью таких словарей осуществляются определенные типы общественного контроля. Кроме того, понятия, посредством которых ставится вопрос, часто содержат обе альтернативы: «Любовь или Долг?», «Дело или Потеха?». В различных институциональных ситуациях есть свои *словари мотивов*, подходящие к соответствующим формам поведения.

Такая социологическая концепция мотивов как относительно устойчивых языковых фаз четко обозначенных ситуаций вполне соответствует мидовской программе изучения поведения в социальной перспективе и с внешней позиции. Она, безусловно, учитывает, что «мотивы и действия зачастую имеют своим источником не внутренний мир, а ситуацию, в которой находятся индивиды» (Mannheim, 1940: 249). Она переводит вопрос «почему»⁹ в вопрос «как», на который можно отвечать, обращаясь к ситуации и типичному для нее словарю мотивов, т. е. к тем понятиям, которые при-

6. Я почерпнул из этой книги несколько мыслей, которые систематизированы в настоящем тексте.

7. См. эксперименты вроде: Rexroad, 1926: 458.

8. Ср.: Dewey, 1939.

9. На который принято отвечать, ссылаясь на индивидуальные «субъективные факторы» (MacIver, 1940b; см. также его работу: MacIver, 1940a).

вычно сопутствуют данной типичной ситуации и функционируют в ней в качестве обозначений и оправданий нормативных действий.

Как было отмечено выше, вопрос обычно указывает на вменение и озвучивание мотивов. Макс Вебер определяет мотив как смысловой комплекс, который представляется самому действующему индивиду или наблюдателю адекватным основанием для его поведения¹⁰. Данная концепция улавливает внутренне присущий мотиву социальный характер. Удовлетворительным, или адекватным, является тот мотив, который удовлетворяет человека, задающего вопрос относительно акта или программы (своей или другого человека). В своем словесном выражении *мотив* — это такое слово, которое для действующего и других участников ситуации служит несомненным ответом на вопросы, касающиеся социального и языкового поведения. Устойчивый мотив является конечным оправданием в соответствующем разговоре. Слова, которые в типичной ситуации исполняют эту функцию, берутся из словаря мотивов, допустимого в данной ситуации. Мотивы — это приемлемые оправдания настоящих, будущих или прошлых программ или актов.

Называть их оправданиями *не* значит отрицать их эффективность. Зачастую именно предвосхищения приемлемых оправданий определяют поведение. («Если бы я сделал это, что я мог бы сказать? А что сказали бы они?») Решения могут быть, полностью или частично, сведены к ответам на подобные вопросы.

Человек может начать действовать, исходя из одного мотива, но в процессе у него может появиться дополнительный мотив. Это не означает, что второй оправдательный мотив неэффективен. Озвученное ожидание акта, его «резон», является не только опосредующим условием данного акта, но и его непосредственным регулирующим условием, к которому вполне применим термин «причина». Оно может усилить акт индивида, осуществляющего действие. Оно может привлечь к его акту новых союзников.

Мотивы, когда они обращены к другим людям, причастным к акту, представляют собой стратегии действия. Многие социальные действия предполагают согласие (молчаливое или открытое) других людей. Зачастую акты не предпринимаются, если они не имеют резона, который может быть принят окружающими. При выборе мотива дипломатия часто оказывается сильнее дипломата. Дипломатический выбор мотива является составным элементом усилий, направленных на мотивирование своих актов в глазах других участников ситуации. Провозглашаемые мотивы избавляют от путаницы и интегрируют социальные действия. Подобная дипломатия не обязательно предполагает намеренную ложь. Она лишь указывает на то, что будет использован

10. Weber, 1922: 5: «„Motiv“ heißt ein Sinnzusammenhang, welcher dem Handelnden selbst oder dem Beobachtenden als sinnhafter „Grund“ eines Verhaltens in dem Grade erscheint, als die Beziehung seiner Bestandteile von uns nach den durchschnittlichen Denk- und Gefühlsgewohnheiten als typischer (wir pflegen zu sagen: „richtiger“) Sinnzusammenhang bejaht wird» («„Мотивом“ называется смысловая связь, которую сам действующий или наблюдатель считает осмысленным „основанием“ поведения. „Адекватным по смыслу“ связно протекающее поведение должно называться в той степени, в какой соотношение его составляющих мы, в соответствии со средними привычками мышления и чувства, характеризуем как типичную (мы обычно говорим: правильную) смысловую связь» [Вебер, 2002: 82]).

соответствующий словарь мотивов, т. е. на то, что эти мотивы обуславливают определенные линии поведения¹¹.

Когда агент озвучивает или вменяет мотивы, он не пытается *описать* переживаемое им социальное действие. Он не просто приводит «резон». Он влияет на других и на себя. Нередко он находит новый «резон», который будет опосредовать деятельность. Следовательно, мы не должны рассматривать действие отдельно от «его» вербализации, поскольку во многих случаях вербализация представляет собой новый акт. В подобных ситуациях не существует разрыва между актом и «его» вербализацией, есть лишь различие между двумя отдельными действиями: моторно-социальным и вербальным¹². Такое дополнительное (или «*ex post facto*») оязычивание (*lingualization*) может предполагать обращение к словарю мотивов, связанному с нормой, признаваемой обоими участниками ситуации. В этом отношении оно является объединяющим фактором *будущих* фаз исходного социального действия или других актов. Мотивы эффективно разрешают конфликты. Часто без «резона» невозможно ни осуществить акт, ни соединить разнородные действия. Мотивы представляют собой общие основания для опосредованных форм поведения.

Перри, обобщая фрейдовский подход к мотивам, утверждает, что «согласно этой точке зрения реальными мотивами поведения являются те, в которых нам стыдно признаться себе или окружающим» (Perry, 1926: 292–293). Соответствующие факты можно объяснить, просто сказав, что угрызения совести (т. е. *моральные* словари мотивов) зачастую достаточно действенны и что люди меняют свои акты и воздерживаются от них в соответствии с этими мотивами. Словари допустимых мотивов — одна из составляющих «обобщенного другого» как механизма общественного контроля. Например, бизнесмен вступает в Ротари-клуб¹³ и начинает использовать принятый там словарь благотворительности (Perry, 1926: 392). Если без этого данный человек не может осуществлять свою деловую активность, значит, соответствующий словарь мотивов — важный фактор его поведения¹⁴. Длительное исполнение роли, которой

11. Конечно, поскольку мотивы предъявляются другим людям, они могут быть и ложью, но это еще нужно доказать. Вербализации не являются ложью только потому, что они оказывают социальное воздействие. Меня здесь больше интересует социальная функция озвучиваемых мотивов, нежели искренность тех, кто их озвучивает.

12. См.: Znaniecki, 1936: 30.

13. Основная идея Ротари-клуба, по мысли основателя ротарианского движения — юриста Пола П. Хэрриса, заключалась в том, чтобы в клубе могли собираться представители различных сфер бизнеса (среди первых были юрист, горный инженер, торговец, угольный дилер), знакомиться, обмениваться своими проблемами, опытом, связями, организовывать новые предприятия (что-то вроде «бизнес-джем-сейшен»), но главное — чувствовать солидарность и поддержку «людей дела». Первый клуб был создан 23 февраля 1905 г. в Чикаго. Место собраний клуба подлежало *ротации* — они проводились поочередно в офисе каждого члена клуба, отсюда и название, и эмблема клуба — колесо. По мере увеличения числа членов клуба, его собрания стали проводиться в отелях и ресторанах (где и сегодня собираются ротарианцы). Вскоре изменились и цели клубной организации — «служение более бедным и менее удачливым» и благотворительность стали во главу угла («Service Above Self» — современный девиз клуба). Этические принципы ротарианского движения: Правда, Справедливость, Солидарность, Выгода. — *Прим. ред.*

14. «Мотив прибыли», изучаемый классической экономикой, можно рассматривать как элемент идеально-типического словаря мотивов, применяемого в рамках особых экономических ситуаций и

соответствуют определенные мотивы, часто вынуждает человека стать тем, кем он поначалу хотел лишь казаться. Изменение словаря мотивов, применяемых индивидом впоследствии, указывает на важный аспект интеграции его действий с некоторыми сосуществующими группами.

Мотивы, используемые для оправдания или критики отдельного акта, неизбежно связывают его с ситуациями, соединяют действия разных людей и приводят поведение в соответствие с нормами. Общественно оправданные мотивационные суррогаты ситуаций оказываются одновременно ограничивающими и стимулирующими. Стоило бы (и можно было бы) проверить гипотезу о том, что словари мотивов, типичные для разных ситуаций, являются важными детерминантами поведения. Будучи языковыми сегментами социальных действий, мотивы ориентируют эти действия, позволяя различать их объекты. Такие прилагательные, как «хороший», «приятный» и «плохой», либо толкают к действиям, либо предотвращают их. Подобного рода слова, входящие в словари мотивов, т. е. выступающие стандартным и относительно непроблематичным сопровождением типичных ситуаций, часто исполняют директивную и побуждающую функцию, поскольку представляют собой предвосхищаемые действующим индивидом суждения других людей. В этом смысле мотивы являются «социальными инструментами, т. е. данными, модифицируя которые действующий способен оказывать влияние [на себя или на других]» (Znaniecki, 1936: 73). «Контроль» над другими обычно осуществляется не прямо, а путем манипулирования полем объектов. Мы влияем на человека, называя его действия или вменяя им — или «ему» — мотивы. Мотивы, сопутствующие, скажем, военным институтам, не являются «причинами» войны, но они побуждают к постоянному совокупному участию [в ней] и различаются от войны к войне. У действующих словарей мотивов есть свой жизненный цикл, который вплетен в изменчивую институциональную ткань.

Вменение мотивов другими людьми генетически предшествует их озвучиванию самим человеком. Мать поправляет ребенка: «Не делай так, нельзя жадничать». Ребенок не только учится тому, как можно и как нельзя себя вести; его также знакомят со стандартизированными мотивами, которые поощряют надлежащие действия и удерживают от действий запрещенных. Овладевая правилами и нормами деятельности в различных ситуациях, мы одновременно овладеваем соответствующими словарями мотивов. Это те мотивы, которыми мы неизбежно пользуемся, поскольку они являются частью нашего языка и нашего поведения.

Выявление «реальных мотивов», которые предположительно противопоставляются «простой рационализации», часто основывается на метафизическом представлении о своего рода биологическом характере «реальных» мотивов. Поиск чего-то более реального, скрывающегося за рационализацией, неразрывно связан с точкой зрения, которой придерживаются многие социологи, считающие, что язык — это внешнее проявление или побочный продукт чего-то уже существующего, более подлинного и «глубокого» в индивиде. Антагонизм «реальных установок» и «простой вербализации» или «мнения» подразумевает, что, в лучшем случае, мы, исходя лишь

форм поведения. На поздних фазах монополистического и регулируемого капитализма этот тип нуждается в модификации; словари прибыли и коммерции приобрели иные компоненты. Плодотворное описание *неэкономического* поведения и мотивов бизнес-бюрократов см. в: Danielian, 1939.

из слов индивида, делаем заключение о том, какова «на самом деле» его установка или мотив.

Но какие заключения *мы могли бы* подобным образом делать? Симптомом *чего именно* является вербализация? Мы не можем *вывести* психологические процессы из языковых феноменов. Все, что мы можем вывести и эмпирически проверить¹⁵, — это еще одну вербализацию действующего индивида, которая, как нам кажется, ориентирует и направляет поведение в момент осуществления действия. Единственные социальные единицы, которые могут «находиться глубже», — это другие языковые формы¹⁶. «Реальная Установка или Мотив» ничем особенно не отличается от вербализации или «мнения». Их различия оказываются лишь относительными и преходящими.

Выражение «бессознательный мотив» тоже неудачно. Оно может означать лишь, что мотив не озвучен открыто, однако в подобных ситуациях нет нужды заключать о существовании бессознательных мотивов и затем помещать их как составные части в индивидов. Данное суждение вытекает из ненужного и необоснованного, но устойчиво воспроизводимого представления о том, что «у всякого действия есть мотив». Это суждение поддерживается наблюдением пробелов, наличествующих в достаточно частых вербализациях в повседневных ситуациях. Факты, к которым отсылает указанное суждение, можно объяснить тем, что люди не всегда открыто артикулируют мотивы и что не *все* действия вращаются вокруг языка. Я уже отмечал условия, при которых мотивы обычно озвучиваются и вменяются.

В рамках излагаемого здесь подхода вербализованный мотив используется не в качестве показателя чего-либо в индивиде, а как *основание для выводов о типичном словаре мотивов ситуативного действия*. Когда мы ищем «реальную установку», а не «мнение», «реальный мотив», а не «рационализацию», мы можем осмысленно искать лишь направляющую речевую форму, которая в зачаточном или открытом виде присутствует в осуществляемом действии или совокупности действий. Проникнуть по ту сторону вербализации, внутрь индивида, и напрямую проверить свои догадки относительно мотивов нельзя, однако есть эмпирический путь, позволяющий нам определить и ограничить (в конкретных обстоятельствах) область исследования мотивов, и этот путь — составление типичных словарей мотивов, сохраняющихся в тех или иных типах ситуаций и действий. Вменение мотивов можно отслеживать, обращаясь к типичной констелляции мотивов, которые имеют очевидные социальные связи с определенными классами ситуативных действий. Некоторые «реальные» мотивы, которые вменяют действующим, не были им даже известны. На мой взгляд, мотивы ограничиваются словарем действующего. Единственный источник мотивационной терминологии — словари мотивов, чаще всего вербализируемых действующими в специфических ситуациях.

15. Разумеется, мы могли бы попытаться вывести или проинтерпретировать конструкторы, находящиеся внутри индивида, но их сложно проверить и они ничего не объясняют.

16. Это не значит, что на физиологическом уровне не может быть спазмов брюшной полости или притока адреналина в кровь и т. д., однако характер «связи» подобных явлений с социальным действием — достаточно спорный.

Индивидуалистические, сексуальные, гедонистические и денежные словари мотивов явно доминируют во многих областях жизни городской Америки в XX веке. В силу данного этоса вербализация альтернативного поведения в этих понятиях вряд ли будет поставлена под сомнение господствующими группами. В такой среде люди скептически относятся к заявлениям Рокфеллера о религиозных мотивах его деловой активности, поскольку *сейчас* подобные мотивы не входят в словарь, который прежде всего принято соотносить с ситуациями предпринимательской деятельности. Средневековый монах пишет, что он поделился пищей с бедной, но хорошенькой женщиной «во славу Господню и ради вечного спасения своей души». Почему мы не склонны доверять ему и вменяем ему сексуальные мотивы? Потому что секс — важный и распространенный мотив в нашем обществе и в наше время. Религиозные словари объяснений и мотивов сегодня приходят в упадок. В обществе, по большей части развенчавшем религиозные мотивы, некоторые мыслители скептически относятся к тем, кто повсеместно их декларирует. Религиозные мотивы сошли на нет в некоторых слоях современного общества; вместо них «закрепились» и используются другие мотивы. Однако ничто не говорит о том, что в монастырях средневековой Европы религиозные словари не были во многих ситуациях действенны.

Профсоюзный лидер говорит, что предпринимает определенное действие потому, что хочет добиться повышения уровня жизни рабочих. В ответ бизнесмен утверждает, что это рационализация, т. е. ложь, что на самом деле он хочет выжать из рабочих побольше денег. Радикал говорит, что профессор колледжа не станет участвовать в радикальных движениях, потому что боится потерять работу, а еще потому, что он «реакционер». Профессор колледжа отвечает, что ему просто хочется разобраться в существе дела. То, что для одного является обоснованием, другому кажется рационализацией. Переменной здесь является принятый словарь мотивов (конечные пределы дискурса) доминантной группы, мнение которой важно для человека. *Выявление таких групп, их положения и их характера позволило бы определить и методологически упорядочить условия приписывания мотивов определенным действиям.*

Эта идея подводит нас к необходимости исследования подразделения мотивов, двигающих людьми, в зависимости от ситуации, а также общих типов и условий применения словарей мотивов в различных обществах. Мотивационные структуры индивидов и образцы их целей связаны с общественными контекстами. Мы могли бы, например, исследовать мотивы в различных стратах или профессиях. Макс Вебер отмечал: «...в свободном обществе мотивы, побуждающие людей трудиться, различны в... разных социальных классах... Как правило, есть дифференцированная шкала мотивов, вынуждающих представителей разных социальных классов работать. Человек, меняющий свой ранг в обществе, переходит от одного набора мотивов к другому»¹⁷. Языковые связи, объединяющие людей, влияют на них, образуя системы диспозиций и мотивов. Как отметил недавно Толкотт Парсонс, указывая на различия между профессиональной и предпринимательской деятельностью, нельзя сразу перейти «от экономического анализа прямо к мотивациям... Институциональные модели *всегда* составляют важную часть этой проблемы» (Парсонс, 2002: 350). Я полагаю, мы мо-

17. Парафраз, сделанный Карлом Мангеймом; см.: Mannheim, 1940: 316–317.

жем анализировать, индексировать и измерять эту часть, фокусируя внимание на тех специфических вербальных придатках к изменчивым институционализированным действиям, которые выше были названы словарями мотивов.

В родовых обществах констелляции мотивов, связанные с различными сегментами поведения, как правило, остаются стабильными и сохраняют связь лишь со своим сегментом. В типичных первичных, сакральных и сельских обществах мотивы людей обычно дробятся. Словари мотивов, предназначенные для различных ситуаций, стабилизируют и ориентируют поступки и ожидания в отношении реакций окружающих. В соответствующих ситуациях вербализованные мотивы обычно не подвергаются сомнению¹⁸. Во вторичных, секулярных и городских обществах несовпадающие и конкурирующие словари мотивов задействованы одновременно, а ситуации, в которых они допустимы, четко не разграничены. Мотивы, когда-то считавшиеся непреложными для определенных ситуаций, теперь ставятся под сомнение. В конкретной ситуации различные мотивы могут вызывать похожие действия. Поэтому люди, находящиеся в разных ситуациях, пребывают в замешательстве и вынуждены гадать, какой мотив «двигал» человеком. На интеллектуальном уровне подобного рода сомнения породили такие движения, как психоанализ, с его догмой рационализации и систематическим разоблачением мотивов. В основе этих интеллектуальных феноменов лежат раздробленные и конфликтующие между собой сегменты индивидуализированного общества, для которого характерна конкуренция между словарями мотивов. Запутанные констелляции мотивов, например, являются составляющей предпринимательской деятельности в Америке. Подобного рода образцы вытеснили старый словарь благородных отношений мужчин и женщин, основанных на долге, любви, доброте. В определенных классах общества романтические, благородные и меркантильные мотивы переплелись между собой. Становится важным вопрос: «Брак по любви или по расчету?», поскольку теперь материальная выгода — постоянный и почти вездесущий мотив, общий знаменатель многих других мотивов¹⁹.

За «смещением мотивов» и «мотивационными конфликтами» стоят конкурирующие или противоречащие друг другу ситуационные образцы и соответствующие им словари мотивов. В изменчивых и переходных ситуациях каждая из альтернатив мо-

18. Этнолог Рут Бенедикт очень близко подошла к подлинно социологическому взгляду на мотивы. Ее позиция остается расплывчатой, поскольку она не до конца поняла тождественность различных «мотиваций», принятых в тех или иных культурах, и сложившихся и распространенных словарей мотивов. «Осмысление взаимосвязей индивида со своим обществом... всегда предполагает понимание типов человеческой мотивации и способностей, накапливаемых в его обществе» (Benedict, 1932: 25; см. также ее работу: Benedict, 1934: 242–243). Исходя из этого наблюдения, она стремится отыскать уникальный «гений» каждой культуры и засоряет свое исследование словами вроде «аполлонический». Если бы она предприняла конструктивную попытку выявить словари мотивов, которые указывают на будущие действия, позволяющие осуществлять программы и обеспечивающие их согласованными мотивами в заданных ситуациях, она была бы лучше готова к постановке конкретных вопросов и к поиску ответа на них посредством дальнейших наблюдений.

19. Кроме того, мотивы, которые допустимо вменять и озвучивать в рамках одной системы действий, могут проникать в другие области, постепенно получая в определенных кругах признание в качестве исчерпывающего отражения *всех* человеческих мотивов. Именно это произошло с экономическим человеком и его мотивами.

жет относиться к обособленным системам действий, в рамках которых допустимы разные словари мотивов. В этих конфликтах находят выражение словарные образцы, которые пересеклись в маргинальном индивиде и которые сложно разделить на категории сообразно четко очерченным ситуациям.

Излагаемый здесь взгляд на мотивы позволяет не только объяснять языковые и социальные факты, но и обладает еще одним преимуществом: благодаря ему мы можем дать социологическое описание других теорий (терминологий) мотивации. Это задача социологии знания. Здесь я могу указать лишь некоторые теории. Я уже упоминал фрейдовскую терминологию мотивов. Очевидно, что подобного рода мотивы характерны для буржуазно-патриархальной верхушки с ее сильной сексуальной и индивидуалистической ориентацией. Предаваясь интроспекции на кушетке Фрейда, пациенты использовали единственный известный им словарь мотивов; Фрейд заметил это, и начал соответствующим образом строить беседы. Более подробно эти вопросы обсуждаются у Миттенцвея (Mittenzwey, 1924). Получив широкое распространение в послевоенные годы, психоанализ никогда не был популярен во Франции, где отсутствует пуританский контроль над сексуальным поведением²⁰. Людям, обратившимся в психоаналитическую веру и перенявшим соответствующую терминологию мотивов, все другие словари кажутся самообманом²¹.

Аналогично, сторонники марксистской терминологии власти, борьбы и экономических мотивов считают все остальные словари, включая фрейдовский, надуманными или невежественными. Тот, кто целиком ассимилировал лишь предпринимательский набор мотивов, будет пытаться применять эти мотивы в любых ситуациях, в том числе — в домашней жизни и в отношениях с женой. Нужно заметить, что предпринимательская терминология мотивов имеет собственную форму интеллектуальной артикуляции, стоящую в одном ряду с психоанализом и марксизмом.

Немаловажно, что со времен Сократа многие «теории мотивации» были связаны с этической и религиозной терминологиями. Мотив — это то в человеке, что толкает его к добру или к злу. Под эгидой религиозных институтов люди используют словари моральных мотивов: они называют действия и программы «хорошими» или «плохими», вменяя эти же качества душе. Такое языковое поведение является элементом процесса социального контроля. Институциональные практики и соответствующие им словари мотивов главенствуют в ограниченном диапазоне возможных ситуаций. Можно было бы создать типовой каталог религиозных мотивов, фигурирующих в популярных религиозных текстах, и проверить его объяснительную силу на различных вероисповеданиях и сектах²².

В современной Америке во многих ситуациях поведение регулируется и интегрируется с помощью *гедонистического* языка. Для широких слоев населения в определенных ситуациях удовольствие и боль являются сегодня непреложными мотивами. Эти ситуации должны быть эмпирически выявлены для конкретных периодов и об-

20. Некоторые трактуют данный факт в качестве доказательства фрейдовских теорий. Однако его можно столько же адекватно объяснить с помощью предложенной здесь схемы.

21. См. пронизательное обсуждение Фрейда у Бёрка: Burke, 1935: Part I.

22. Моральные словари заслуживают отдельного рассмотрения. Представленная здесь точка зрения позволяет прояснить многие запутанные вопросы, касающиеся «ценностных суждений» и т. п.

ществ. Удовольствие и боль не следует овеществлять и приписывать человеческой природе в качестве основополагающего принципа любого действия. Отметим, что гедонизм как психологическая и этическая доктрина получил распространение в современном мире примерно тогда же, когда старые морально-религиозные мотивы были развенчаны и целиком отброшены мыслителями из «среднего класса». За гедонистической терминологией скрывается формирующийся социальный образец и новый словарь мотивов. Смена само собой разумеющихся мотивов, через которую прошли все европейские общества, достигала кульминации, когда ради примирения старой религиозной и новой гедонистической терминологий между ними был поставлен знак равенства: «хорошее» есть «приятное». Схожая ситуация наблюдалась в эллинистическом мире в связи с гедонизмом киренаиков и эпикурейцев.

Необходимо проанализировать все эти *терминологии* мотивов и связать их, как *словари* мотивов, с определенными историческими эпохами и специфическими ситуациями. Мотивы не имеют никакой ценности за рамками особых социальных ситуаций, в которых данные словари допустимы. Они неизбежно ситуативны. В лучшем случае социально нелокализованные *терминологии* мотивов представляют собой незаконченные попытки наметить социальные области вменения и озвучивания мотивов. Мотивы различаются по своему содержанию и характеру в зависимости от исторической эпохи и общественных структур.

Исследовательская задача должна состоять не в интерпретации действий и языка как внешних манифестаций субъективных и скрытых в глубине индивида элементов, а в обнаружении связи конкретных типов действий с типовыми структурами нормативных действий и с социально-ситуативными кластерами мотивов. Включение различных словарей мотивов в какую-либо одну терминологию или список не дает ничего в плане объяснения. Подобная процедура лишь мешает задаче объяснения специфических случаев. К языкам конкретных ситуаций следует относиться как к ценной совокупности данных, требующих интерпретации и соотнесения с их условиями. Упрощать эти словари мотивов до социально отвлеченной терминологии — значит закрывать возможность легитимного использования мотивов для объяснения социальных действий.

Литература

- Вебер М. (2002). Основные социологические понятия / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Теоретическая социология. Ч. 1 / под ред. С. П. Банковской. М.: Университет. С. 70–146.
- Парсонс Т. (2002). Мотивация экономической деятельности / пер. с англ. В. Ф. Чесноковой // Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический проект. С. 329–353.
- Benedict R. (1932). Configurations of culture in North America // American Anthropologist. Vol. 34. № 1. P. 1–27.
- Benedict R. (1934). Patterns of culture. Boston: Houghton Mifflin.
- Burke K. (1935). Permanence and change: an anatomy of purpose. New York: New Republic.
- Danielian N. R. (1939). A.T. & T.: the story of industrial conquest. New York: Vanguard.

- De Laguna G. A.* (1927). *Speech: its function and development*. New Haven: Yale University Press.
- Dewey J.* (1917). The need for social psychology // *Psychological Review*. Vol. 24. № 4. P. 266–277.
- Dewey J.* (1939). *Theory of valuation*. Chicago: University of Chicago Press.
- MacIver R. M.* (1940a). The imputation of motives // *American Journal of Sociology*. Vol. 46. № 1. P. 1–12.
- MacIver R. M.* (1940b). The modes of the question *Why* // *Journal of Social Philosophy*. Vol. V. April. P. 197–205.
- Mannheim K.* (1940). *Man and society in an age of reconstruction: studies in modern social structure*. New York: Harcourt, Brace and World.
- Mead G. H.* (1909). Social psychology as counterpart to physiological psychology // *Psychological Bulletin*. Vol. 6. № 12. P. 401–408.
- Mills C. W.* (1940). Bibliographical appendix // *Contemporary social theory* / ed. by H. E. Barnes, H. Becker, F. B. Becker. New York: D. Appleton-Century Company. P. 889–912.
- Mittenzwey K.* (1924). Zur Sociologie der psychoanalytischen Erkenntnis // *Versuche zu einer Sociologie des Wissens* / hrsg. v. M. Scheler. München: Duncker & Humblot. P. 365–375.
- Perry R. B.* (1926). *General theory of value: its meaning and basic principles construed in terms of interest*. New York: Longmans, Green and Company.
- Rexroad C. N.* (1926). Verbalization in multiple choice reactions // *Psychological Review*. Vol. 33. № 6. P. 451–458.
- Weber M.* (1922). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (P. Siebeck).
- Wiese L. von.* (1932). *Systematic sociology*. New York: John Wiley & Sons.
- Williams J. M.* (1920). *The foundations of social science: an analysis of their psychological aspects*. New York: A. A. Knopf.
- Znaniecki F.* (1936). *Social action*. New York: Farrar & Rinehart.